

lexicography context of the 21st century are analyzed. The specifics of the registry words and structure of a dictionary entry are described in the edition “Slovnyk movy Lesi Ukrainky (na materialy zbirky “Na Krylakh Pisen”) (chastyna – 1 – A–M) (Lutsk, 2012), which has been done by the specialists of the computational linguistics laboratory of the Kyiv Taras Shevchenko National University and lecturers of the Institute of Philology and Journalism at the Lesya Ukrainka Eastern European University.

Key words: author’s lexicography, Lesya Ukrainka’s dictionary, Lesya Ukrainka’s language dictionary, complete works edition, structure of a dictionary entry, register word.

УДК 811.161.1’116.3

Алла Зернецкая

ПОЛИАСПЕКТНОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОГО СЛОВА КАК ЧАСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Изменение научной парадигмы, технический прогресс и новые потребности общества требуют пересмотра организации представления уже исследованных аспектов языка и заполнения лакун во вновь выстроенной системе. Платформой для таких новых построений является коммуникативно-функциональный подход. В состав коммуникативно-функциональных элементов лингвистической компетенции коммуниканта можно отнести: (1) законченные, самостоятельные в семантическом плане языковые единицы (слово, устойчивое сочетание слов или схема устойчивого сочетание слов, именное словосочетание, обязательное управление, предложение, текст); (2) способы и условия их образования и трансформаций (модели единиц и формы составляющих при сочетании); (3) прагматические условия их употребления; (4) семиологические условия их сочетания. Основной проблемой описания языковых знаков как части лингвистической компетенции является их полное полиаспектное представление в коммуникативно-функциональной парадигме как для развития фундаментальных исследований, так и для прикладных целей. В данной статье мы кратко очертим элементы двух парадигматических аспектов представления русского слова (семантический и формальный), не затрагивая, в силу возможностей статьи, третий, синтагматический, – валентность.

Ключевые слова: коммуникативно-функциональный подход, лингвистическая компетенция, русский язык, слово, семантема, граммема, синтаксема, морфема.

Постановка научной проблемы и ее значение. Основной проблемой описания языковых знаков как части лингвистической компетенции является их полное полиаспектное представление в коммуникативно-функциональной парадигме как для развития фундаментальных исследований, так и для прикладных целей.

Анализ исследований этой проблемы. В середине XX в. на смену формализму в интерпретации речи и речевых процессов приходит функционализм [1, с. xi]. В теориях копенгагенской школы, дескриптивизма, тагмемики формалистичность идет на убыwanie. Функционализм, несмотря на то, что является наследием структурализма, воплощает идею значимости в терминах «ролей». Исполнителями этих ролей бывают: люди (коммуникативный функционализм) или части выражения (формальный функционализм, воплощенный в различных формальных описаниях языка и речи). Грамматики данного типа рассматривают в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций; при описании языкового материала используется направление от функций к средствам как основное, определяющее построение грамматики, в сочетании с направлением от средств к функциям [4].

«Двусторонний подход к описанию функций языковых средств обусловлен: (1) тем фактом, что определенная функция может быть реализована разными языковыми средствами и, с другой стороны, одно и то же средство может обладать и обычно обладает разными функциями (ср. выдвинутый С. О. Карцевским принцип «асимметричного дуализма языкового знака» [5, с. 85–93]; (2) необходимостью учета, с одной стороны, многообразия языковых значений, а с другой – многообразия формальных средств; (3) существенностью обоих подходов для моделирования мыслительно-речевой деятельности говорящего и слушающего; в частности, принимается во внимание актуальность для говорящего: а) направления от смысла, формирующегося при опоре на внутриречевые структуры, к внешним средствам его выражения; б) владения функциональным потенциалом каждого из языковых средств; учитывается также, что позиции говорящего и слушающего в речи постоянно взаимодействуют, причем для слушающего актуально не только направление от формальных средств к их значениям и вытекающему из контекста и речевой ситуации смыслу, но и активное восприятие деятельности говорящего, невозможное без

владения процессами, направленными от смысла к средствам его выражения» [8, с. 565].

Таким образом, порожденная еще глоссематикой дихотомия «язык – речь», пройдя несколько этапов и подходов осмысления, выкристаллизовалась в некое понятие лингвистики речи, объектом изучения которой являются правила построения связной речи и ее смысловые категории, выражаемые по этим правилам. Правила построения связной речи не основываются на явлениях языка, сведенных в таксономической системе языка. Совокупность знаний лингвистического характера и умений производить с этими знаниями когнитивные действия с целью порождения или вычленения смысло- и формообразующих кодов дискурса объединяются в лингвистическую компетенцию (ЛК), часто называемую языковой [9].

ЛК, на наш взгляд, включает в себя знания языковых знаков, экспонирующих законченные значения и смыслы, способы и условия их трансформаций и связей. К таким знаниям можно отнести: (1) знание законченных, самодостаточных в семантическом плане единиц ВСС (слово, устойчивое сочетание слов или схема устойчивого сочетание слов, именное словосочетание, обязательное управление, предложение, текст); (2) знание способов и условий их образования и трансформаций (модели единиц и формы составляющих при сочетании); (3) знание прагматических условий их употребления; (4) знание семантических условий их сочетания.

Целью данной статьи является демонстрация коммуникативно-функционального подхода к систематизации характеристик некоторых элементов слова на базе уже известных таксономических и функциональных лингвистических исследований. В данной публикации мы кратко очертим элементы двух парадигматических аспектов представления русского слова (семантический и формальный), и упомянем, в силу возможностей статьи, третий, синтагматический, – валентность с коммуникативно-функциональных позиций лингвистической компетенции.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Традиционно в качестве минимальных единиц ЛК рассматриваются слова и устойчивые сочетание слов, составляющие так называемый вокабуляр (лексикон) человека. Это удобная и устоявшаяся форма организации фонетической/графической, семантической и формально-грамматической составляющих но-

минативного языкового знака. Рассмотрим основные функциональные параметры слова.

Слово, будучи сложной единицей, одновременно принадлежащей и языку, и окружающему миру, в лингвистике рассматривается в аспектах (А) содержания и (Б) формы.

(А) Содержание. Смысл слова складывается из совокупности элементарных, далее неделимых признаков-значений (минимальных значений, сем) разных уровней, образуя некий смысловой фрейм. Наборы этих признаков-значений (в терминологии когнитивной психологии – «кластеры признаков») имеют свои экспоненты в рамках слова. Вычленение разных кластеров сем в рамках одного слова отражено в названиях слова, принятых в лингвистике: (А.1) семантема (набор номинативных и номинативно-категориальных сем), (А.2) граммема (набор грамматических значений или грамем) и (А.3) синтаксема (набор денотативно-ролевых и позиционно-функциональных значений).

(А.1) Семантема. Как известно, отношения между составляющими знаковой ситуации имеют сложный характер, который можно представить в виде следующей цепочки: реалья → денотат → понятие/суждение → знак (**семантема** = сигнификат/значение → сигнификант/экспонент), где сигнификат, как значение, состоит из концептуального ядра и при наличии коннотации. «Семантема, в отличие от ... понятия, принадлежит уже языку и может включать в свой состав, помимо концептуального ядра, различные коннотации» [15, с. 16].

(А.1.1) Денотатные семы слова как знака отражают признаки обобщенного образа ряда однородных предметов, получившего словесное обозначение. Например, *книга* – 1. Произведение печати в виде переплетенных листов бумаги с каким-н. текстом. *Интересная книга, Писатель выпустил в свет новую книгу, Читать книгу* [11, с. 240]. Однако читает или пишет человек не «переплетенные листы бумаги», а роман, поэму, учебник, словарь, т. е. некое содержание, которое подразумевается под обобщенным денотатом, выраженным словом *книга*. Конкретное содержание денотата – это сема референта или обобщенного референта. Референт имеет больше признаков, которые могут при определенных условиях переходить в денотативные семы. Характеристики референта (или обобщенного референта) дают возможность включать слово в метафорические, метонимические и проч.

отношения. Но в словарных статьях толковых словарей обычно фигурируют именно семы обобщенного денотата. По этим толкованиям можно определить количество и виды обязательных и факультативных контекстпартнеров данного слова. Например слова *лечить, гостить...*

(А.1.2) Аспектные семы (сигнификативные) отражают признаки, отличающие слова-носители одинаковых категориальных и частеречных сем: по месту/направленности (*на стол под стол/в стол/за стол, подъехал/отъехал/въехал/выехал*), по моно/полинаправленности (*лететь/летать*), по процессности/статальности (*приходить/сидеть, позваниваю/звоню, по три/три*), по отношению к началу/концу, старту/финишу (*пошел/дошел*), по изменению признака (*бледнеть, с годами*), по одноактности (*заснул/увидел, ср: за три минуты заснул – неодноактный глагол, но не *за три минуты увидел*) и т. п.; времени (*написал/напишу, писал/пишу/буду писать*), завершенности/незавершенности (*шел/пришел*), диктумности/модальности (*писал/писал бы*), единичности/множественности (*читал/читали, книга/книги*), места/направления (*на столе/на стол – межпадежное противопоставление*), определенности/неопределенности (*на неделе/на неделю – межпадежное противопоставление*), порядка/количества (*третий/три*), рода (*летел/летела/летело*) и т. д.

Семантема, в добавление к кластеру сигнификативных (концептуальное ядро + коннотация) характеристик, обладает еще и наборами (кластерами) классификационных характеристик (сем) и прагматических. На основании различий или сходства элементов кластеров семантемы строятся вербальные сети, в которые входят ассоциативные ряды, поля, группы. Из практических соображений слова, сгруппированные в ряды или поля, интересны еще типовыми моделями словообразования и сочетаемости (это о ЛСГ).

(А.1.3) Коннотативные семы слова как знака отражают признаки, которые, с точки зрения именуемого субъекта, позволяют правильно идентифицировать денотат. Например, *книга* может быть и *том*, и *фолиант*, а высказывание – *насмешливым – ироническим – саркастическим – сардоническим*; место, где похоронили людей, можно называть *кладбищем – погостом – некрополем – могильником*; одни и те же действия можно охарактеризовать как *настойчивые – упорные – упрямые – настоятельные – неотступные*; значение «красиво одеться» можно выразить словами *нарядиться – приодеться – принарядиться – разодеться – расфрантиться – расфуфыриться*. Ассоциации, свя-

занные с обозначаемым предметом или явлением, возникающие в определенных ситуациях употребления слова, являются основой для выделения какой-либо из характеристик, составляющих обобщенный денотат, что создает коннотативные смысловые оттенки значения языковой единицы. Например, отец – «источник, начало чего-либо»: *Эвклид – отец геометрии*; отец – «отечески заботящийся о других» *Полковник наш рожден был хватом: слуга царю, отец солдатам* (М. Ю. Лермонтов) [8, с. 437].

Наборы сем из указанных разрядов, прибавляясь, порождают более широкие понятия, которые можно выстроить в цепочку понятий по возрастанию количества сем, исходя из того, что реалии принадлежат предметному миру, концепты – познавательной сфере, а значения (семантемы) – семантическому компоненту языковой системы: реалии < денотат < концепт < семантема ([<] – математический знак «больше»). Очевидно, что ядерными являются денотатные семы, т. к. они ближе всего к реалии. Концептный и семантемный уровни образуются за счет «наращения» понятийных сем. Смысл, заложенный в семантеме, сильнее формы («постулат о примате семантики» в [7, с. 21]). Так, например, и при отсутствии грамматической правильности для *Мы Киев завтра ехать нет* – можно говорить о состоявшейся коммуникации.

(А.2) Граммема и категориальные семы. (А.2.1) Частеречная (общекатегориальная) сема отражает отношение слова как знака определенного класса и класса явлений действительности, этим словом названных. Предметы, например, по мнению Панова, «обречены» называться существительными [12, с. 115–118], но существительные могут называть не только предметы. Значение, присущее той или иной части речи и являющееся его основным, ядерным, называется изосемическим. Так, изосемическое значение существительного – предметность, глагола – действие, процесс, прилагательного – признак предмета, наречия – признак действия. Если явление действительности выражено нехарактерной для него частью речи, то такое слово неизосемично. Например, неизосемичные существительные *бег, краснота, руководство*; прилагательные и причастия *беглый, краснеющий, руководящий*; наречие: *бегло*. Изосемичная сема – однозначна, а неизосемичная – конъюнктивная: *бегать* = ‘действие, процесс’, *бег* = ‘событие действия, процесса’; *красный* = ‘качество’, *краснеть* = ‘действие, процесс проявления качества’ и т. п.

(А.2.2) Категориальные (частнокатегориальные) семы отражают признаки, отличающие синтаксемы-носители одинаковых частеречных сем по способу словоизменения: род (*бандероль/картофель, ходил/ходила/ходило, т. е. в случаях, не относящихся к человеку*), одушевленность (*микроб/бацилла*), склонение (I склонение / II склонение / III склонение, *книга/уголь/шаль*), спряжение (*рисовать/ездить*).

(А.3) Синтаксема. (А.3.1) Денотативно-ролевые (термин М. В. Всеволодовой) семы. Синтаксемы содержат не только семы-признаки именованных явлений действительности, но и семы, отражающие место и роль этих явлений в действительности в той или иной ситуации. Собственно синтаксемой лексема становится лишь тогда, когда она выполняет какую-то роль. Среди функций синтаксем выделяются, например, субъект, объект, предикат, локатив, фабрикатив и т. д. Например: *Стол (S) стоит в углу – Положи книгу на стол (L); Инженеры (S) в этом конструкторском бюро (L) создают по 10 масштабных проектов в месяц – Это конструкторское бюро (L) создает по 10 масштабных проектов в месяц.*

Каждая ситуация – это «отрезок отражаемой в языке действительности. ... В объективной реальности человеческое сознание выделяет прежде всего устойчивые элементы – материальные объекты (актанты и некоторые сирконстанты, например, пространственные ориентиры). Ситуация образуется в результате координации материальных объектов и их состояний. Существуют две общих формы такой координации: пространство и время» [3].

(А.3.2) Функциональные семы (позиция в предложении). Позиционная сема связана с местом в предложении, т. е. с функцией в синтаксической структуре предложения. Так, начальная форма синтаксемы в предложении – указание на позицию подлежащего, которые всегда находятся в начальной форме.

(А.3.3) Стилистические пометы (сигнификативная роль в дискурсе). *Шляпа* – нейтральный стиль речи и разговорный, *существительное* – научный стиль речи.

Большинство элементов каждого кластера способны к оппозициям, на основании чего строятся различные системные связи. Например: *да – нет, отец – мать, рисовал – рисую, работаю на заводе – думаю о заводе, выпускают на заводе – завод выпускает* [2].

Для удовлетворения смысловой потребности в процессе вербально-коммуникативной деятельности (ВКД) употребляется слово, содержащее необходимые и по количеству и по значению семы.

(Б) Форма. Носители языка чаще всего не задумываются о морфологическом составе слова. За годы использования языка вырабатывается неосознанное, доведенное до автоматизма знание, «как можно сказать, а как неправильно говорить». На ранней стадии овладения родным языком эксперименты со словами ребенка похожи на ошибки иностранца. Но изучающие РКИ взрослые прежде всего в словах начинают искать формальные носители того или иного значения. В РЯ, как известно, ими являются морфы – элементарные по форме значимые единицы: корень, приставка, суффикс, окончание. Несмотря на то что обязательным условием правильного расчленения слова на морфы является знание значения всех слов в РЯ, иностранцы сразу обнаруживают определенные отрезки слов, которые совпадают и по форме, и по значению.

«В качестве таких отрезков могут выступать и корни (*зверь – зверек – зверинец – звериный – зверский – звереть – зверствовать*), и приставки (*поговорить – почитать – пожить – попрыгать*), и суффиксы (*столик – домик – садик – топорик – заводик*)» [14, с. 353].

В академической грамматике корень рассматривается как главная и обязательная часть слова; приставка, суффикс, конфикс – как словообразовательные форманты, флексия и интерфикс – как способы связей слов в словосочетания или корневых морфем в сложное слово.

Корень слова обычно определяют как (а) главную и обязательную часть слова, (б) элемент, несущий основное значение слова. Хотя, как известно, достаточно велик массив слов, у которых, по различным причинам, значение не совпадает со значением корня полностью (например: *подосиновик* – гриб, *подснежник* – цветок, *вечерник* – студент вечернего отделения) и, более того, перенесено на другие части слова (например, в словах *отбояриться* или *переборщить* главное значение заключено соответственно в частях *от-* и *пере-*, не являющихся корнями).

Корни же, как это следует из их определения, могут употребляться (а) изолированно (*кино, беж, хлопок*); (б) в сопровождении только окончаний (*весн-а, толст-ый, нес-у*), приставок и суффиксов (*пригород, город-ск-ой*); (в) исключительно в связанном с приставками и суффиксами виде (*прибавить, отбавить, сбавить, надбавка, хозяин, хозяйство, хозяйка, хозяйский, хозяйничать, хозяйственный*).

Суффиксы являются носителями категориальных и классификационных сигнификативных сем. Суффикс, как носитель грамматичес-

ких сем, указывает на принадлежность слова к той или иной части речи (например, *-ость-*, *-ик*, *-тель-* – суффиксы существительных; *-ну-*, *-ива-* – глагола; *-енн-*, *-оват-* – прилагательного).

Классификационные сигнификативные семы содержатся не во всех суффиксах, но в достаточно частотных. Так, например, суффикс *-оват-* не только идентифицирует прилагательное, но и обозначает неполную степень качества (*полноватый*, *седоватый*, *староватый*); суффикс *-ну-* не только показывает, что перед нами глагол, но обычно называет еще и однократное действие (*толкнуть*, *капнуть*, *чихнуть*), суффикс *-онок* не только показывает, что содержащее его слово – существительное, но и в сочетании с семой ‘живое существо’ обозначает его незрелость (ср. *слоненок*, *медвежонок*, *татарчонок*, *салажонок*, *негритёнок*, *поварёнок*), за исключением нескольких слов (например, *опенок*, *миленок*), целый ряд суффиксов несет значение ‘лицо’, ‘лицо + род деятельности/профессия’, ‘лицо + пол.’ и др. сочетания (например: *-анин/-янин*, *-арь*, *-ик*, *-ист*, *-их(а)*, *-ич* и др.).

Знания значения суффиксов важны не только для констатации факта словообразования или понимания значения слова, но и для корректности при составлении словосочетаний. Так, «в словах *столлик*, *деревце*, *юбочка* суффиксы несут сему деминутивности, что не позволяет во избежание рассогласования сочетаться со словами *огромный*, *высоченное*, *длиннющая*, где основа или суффикс несут сему ‘значительно больше нормы’» [2, с. 365].

Приставки противопоставляются суффиксам по их положению относительно корня: приставки предшествуют корню, суффиксы следуют за ним. Приставки являются носителями классификационных сигнификативных сем.

«Так, глаголы *сидеть*, *работать* не имеют в лексическом составе семы ПРОТ, но их дериваты-способы глагольного действия (СГД): (1) *проработать*, *просидеть*; (2) *поработать*, *посидеть*; (3) *отработать*, *отсидеть*; (4) *переработать*, *пересидеть* ее имеют: *проработать* – Провести какое-л. время, работая где-л.; *просидеть* – 1. Провести какое-л. время сидя [9, с. 692]; то же для других СГД: *поработать* – Работать некоторое время; *переработать* – 4. Проработать дольше положенного времени; *пересидеть* 2. Просидеть, пробыть где-л. слишком долго, дольше, чем следует, чем нужно; 3. Просидеть, пробыть где-л. какое-л. время, ожидая окончания чего-л., пережидая что-л. [9, с. 129]; *отработать* – 2. Проработать какое-л.

время, срок [10, с. 965]; – где носители ЛВ – префиксы. Назовем эти глаголы и глаголы типа длиться темпорально валентными» [2, с. 364].

Часто носителем семы является конфикс. Так, например, конфикс «приставка + суффикс -ну-» в глаголах уменьшительного способа глагольного действия: *вздремнуть, всплакнуть, соснуть, взгрустнуть, всхрапнуть, прикорнуть*, а также *придавить* ('поспать') – является носителем сем 'короткое время' и 'слегка' (слабая интенсивность). «Первая сема диктует сочетаемость с деминутивами и запрещает сочетание с дименсивами со значением длительности: *Отдохнуть годик-другой*, но не: **отдохнуть целый час, вздремнуть часика два*; но не: **вздремнуть целых полчаса*; а вторая – запрет на сочетаемость с Об (обстоятельство – АЗ) сильной интенсивности действия: *всплакнуть слегка*, но не: **всплакнуть навзрыд* (ср: *плакать навзрыд*); *вздремнуть слегка*; но не: **вздремнуть без задних ног*» [2, с. 365].

Флексия выражает (а) категориальные семы части речи, рода, числа (*деревь-я, дорог-а*), падежа, времени и лица действия (*читаешь, говор-ит*) и т. п., которые играют свою роль при составлении словосочетаний в соответствии с правилами валентности (например, *ходил вчера*, но не *ходил завтра; *новая лодка*, но не *новые лодка; *Стояла прекрасная погода*); (б) функционально-позиционные семы (например, окончание дательного падежа содержит сему адресата, синтаксема в форме дательного падежа в предложении занимает позицию дополнения, а сема указывает на денотативную роль данной синтаксемы: *Автор посвятил книгу матери*); (в) несколько значений могут служить исключительно для связи слов в словосочетании и предложении (*Стоял-а прекрасн-ая погод-а*).

Обратим внимание и на то, что «основным способом выражения делибератива в структуре предложения является предложный падеж с предлогом «о» (*о ком / о чем*) или винительный падеж с предлогом «про» (*про кого / про что*)» [13, с. 210].

Таким образом, таксономическая грамматика предлагает только констатацию морфологического членения слов и неклассифицированный набор значений. Тогда как человек объединяет слова на основании не только традиции, но, прежде всего, мотивированно.

Для восприятия же (это особенно заметно инофонам) важно, что (а) эти части слова играют определенную роль в семантике слова (т. е. это имеет значение) и (б) они занимают разные места в слове (т. е. это легче запомнить).

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. В данной статье мы показали лишь часть аспектов описания слова на общей антропоцентрической платформе современного языкознания. К сожалению, возможности данной публикации не позволяют шире рассмотреть упомянутый выше еще один важный аспект слова – валентность. Парадигматические и синтагматические параметры слова (как части лингвистической компетенции) могут и должны быть описаны как семиотические единства. Составы и элементов слова, и их характеристик достаточно изучены и конечны. Проблема же заключается в подходе, который позволит из отдельно изученных и описанных элементов и характеристик создать единую полную семиотическую систему. Описание слова на базе функционально-коммуникативного подхода позволяет создать его (слова) полиаспектную систему для прикладных целей: мультимедийных словарей, автоматизированных лингво-экспертных, переводческих и обучающих программ, педагогических грамматик.

Литература

1. Dirven R. By way of introduction / R. Dirven, V. Fried // *Functionalism in linguistics*. – A. ; Ph. : Benjamins, 1987. – P. ix–xvii.
2. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка : учебник / М. В. Всеволодова. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.
3. Гак В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // *Проблемы структурной лингвистики 1972*. – М. : [б. и.], 1973. – С. 349–372.
4. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В. З. Демьянков // *Язык и наука конца 20 века*. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.
5. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория / В. А. Звегинцев. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.
6. Зернецкая А. А. Структура понятия «коммуникативная компетенция» / А. А. Зернецкая // *Русский язык за рубежом*. – 2005. – № 1–2. – С. 48–51.
7. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / А. Е. Кибрик. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – 336 с.
8. *Лингвистический энциклопедический словарь* / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
9. *Малый академический словарь русского языка*. В 4 т. Т. 3. – 4-е изд., стереотип. / РАН, Ин-т лингвист. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – 750 с.
10. *Малый академический словарь русского языка*. В 4 т. Т. 2. – 4-е изд., стереотип. / РАН, Ин-т лингвист. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – 736 с.

11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. И. Шведова ; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
12. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. – М. : Наука ; Школа «Языки русской культуры», 1999. – 275 с.
13. Правдина Н. Описание классов моделей предложений и ролевая грамматика (на материале предложений, сформированных глаголами передачи информации) / Н. Правдина // Лінгвістичні студії : зб. наук. пр. / укл. : А. Загнітко (наук. ред.) [та ін]. – Донецьк : [б. в.], 2005. – Вип. 13. – С. 200–212.
14. Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис : учебник / Л. А. Новиков, Л. Г. Зубкова, В. В. Иванов [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Новикова. – СПб. : Лань, 2003. – 864 с.
15. Сусов А. А. Размышления о концептах / А. А. Сусов, И. П. Сусов // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Сер. : Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. – 2006. – № 726. – Вип. 49. – С. 14–20.

References

1. Dirven R. By way of introduction / R. Dirven, V. Fried // Functionalism in linguistics. – A. ; Ph. : Benjamins, 1987. – P. ix–xvii.
2. Vsievobodova M. V. Teoriia funktsionalno-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoi (pedagogichieskoi) modeli yazyka : uchiebnik / M. V. Vsievobodova. – M. : Izd-vo MGU, 2000. – 502 s.
3. Gak V. G. Vyskazyvaniie i situatsiia / V. G. Gak // Problemy strukturnoi lingvistiki 1972. – M., 1973. – S. 349–372.
4. Diemiankov V. Z. Dominiruishchiie lingvisticheskie teorii v kontse XX veka / V. Z. Diemiankov // Yazyk i nauka kontsa 20 veka. – M. : Institut yazykoznaniiia RAN, 1995. – S. 239–320.
5. Zviagintsev V. A. Yazyk i lingvistichieskaia teoriia / V. A. Zviagintsev. – M. : Editorial URSS, 2001. – 248 s.
6. Ziernietskaia A. A. Struktura poniatiiia «kommunikativnaia kompetentsiia» / A. A. Ziernietskaia // Russkii yazyk za rubiezhom. – 2005. – № 1–2. – S. 48–51.
7. Kibrik A. Ye. Ochierki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniiia (universalnoie, tipovoie i spietsifichnoie v yazykie) / A. Ye. Kibrik. – M. : Izd-vo MGU, 1992. – 336 s.
8. Lingvistichieskii entsiklopedichieskii slovar / [gl. red. V. N. Yartseva]. – M. : Sov. entsiklopediia, 1990. – 685 s.
9. Malyi akadiemichieskii slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 3. – 4-ie izd., stierieotip. / RAN, In-t lingvist. issliedovaniia ; pod red. A. P. Yevgienievoi. – M. : Rus. yaz. ; Poligrafriesursy, 1999. – 750 s.
10. Malyi akadiemichieskii slovar slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 2. – 4-ie izd., stierieotip. / RAN, In-t lingvist. issliedovaniia ; pod red. A. P. Yevgienievoi. – M. : Rus. yaz. ; Poligrafriesursy, 1999. – 736 s.
11. Ozhegov S. I. Tolkovyi slovar russkogo yazyka: 80 000 slov i frazieologichieskih vyrazhenii. – 4-ie izd., dop. / S. I. Ozhegov, N. I. Shviedova ; RAN, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova. – M. : Azbukovnik, 1999. – 944 s.

12. Panov M. V. Pozitsionnaia morfologiiia russkogo yazyka / M. V. Panov. – M. : Nauka ; Shkola «IAzyki russkoi kultury», 1999. – 275 s.
13. Pravdina N. Opisaniiie klassov modeliei priedlozhenii i rolievaia grammatika (na materialie priedlozhenii, sformirovannyh glagolami pieriedachi informatsii) / N. Pravdina // Lingvistichni studii : zb. nauk. pr. / ukl. : A. Zahnitko (nauk. red.) [ta in.]. – Donietsk, 2005. – Vip. 13. – S. 20–212.
14. Sovriemienni russkii yazyk: Fonietika. Lieksikologiiia. Slovoobrazovaniie. Morfologiiia. Sintaksis : uchiebnik / L. A. Novikov, L. G. Zubkova, V. V. Ivanov [i dr.] ; pod obshch. red. L. A. Novikova. – SPb. : Lan, 2003. – 864 s.
15. Susov A. A. Razmyshlieniiia o kontseptah / A. A. Susov, I. P. Susov // Visn. Khark. nats. un-tu im. V. N. Karazina. Sier. : Romano-hiermanska filologiiia. Mietodyka vykladannia inozemnyh mov. – 2006. – № 726. – Vyp. 49. – S. 14–20.

Зернецька Алла. Поліаспектний опис російського слова як частини лінгвістичної компетенції. Зміна наукової парадигми, технічний прогрес і нові потреби суспільства вимагають перегляду організації представлення вже досліджених аспектів мови й заповнення лакун у знову вибудованій системі. Платформою для таких нових побудов є комунікативно-функціональний підхід. До складу комунікативно-функціональних елементів лінгвістичної компетенції комуніканта можна зарахувати: (1) закінчені, самодостатні в семантичному плані мовні одиниці (слово, стійке сполучення слів або схема стійкого сполучення слів, іменне словосполучення, обов'язкове керування, речення, текст): (2) способи та умови їх утворення і трансформацій (моделі одиниць і форми складників при поєднанні); (3) прагматичні умови їхнього вживання; (4) семіологічні умови їх поєднання. Основною проблемою опису мовних знаків як частини лінгвістичної компетенції є їхнє повне поліаспектне представлення в комунікативно-функціональній парадигмі як для розвитку фундаментальних досліджень, так і для прикладних цілей. У поданій статті ми коротко окреслюємо елементи двох парадигматичних аспектів представлення російського слова (семантичний і формальний), не торкаючись, у силу можливостей статті, третього, синтагматичного, – валентності.

Ключові слова: комунікативно-функціональний підхід, лінгвістична компетенція, російська мова, слово, семантема, грамема, синтаксема, морфема.

Zernetskaya Alla. Multi-Aspect Description of Russian Words as Part of Linguistic Competence. Changing the scientific paradigm, technical progress and the new needs of the society organization need to revise presentation organization previously investigated aspects of the language and to fill gaps in the newly constructed system. The platform for such new constructions is a communicative-functional approach. The linguistic may competence consists of following communicative-functional elements: (1) complete, semantically self-sufficient units (the word, sustainable combination of words or combination of words scheme sustainable, noun phrase, mandatory management, supply, text): (2) ways and the conditions of their formation and transformation (model units and forms of the components combination); (3) the pragmatic conditions of their use; (4) semiological terms of

their combination. The main problem of the linguistic signs description as part of linguistic competence is one's full multi-aspect representation in the communicative-functional paradigm for the development of basic research and for applied purposes. In this article author briefly outlines the elements of the two paradigmatic aspects of the Russian word submission (semantic and formal), without touching (because of the article opportunity) the third syntagmatic aspect (valence).

Key words: communicative-functional approach, linguistic competence, the Russian language, the word, semanteme, grammeme, syntaxeme, morpheme.

УДК 811.161.2 + 81'366.54

Мирослава Зінько

ПРИЙМЕНИКОВО-ВІДМІНКОВІ ФОРМИ ЗІ ЗНАЧЕННЯМ МЕТИ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

(на матеріалі первинних прийменників зі Словника української мови в 11-ти томах і Словника українських прийменників)

У статті йдеться про прийменниково-відмінкові форми із первинними власне-прийменниками на позначення семантики мети в сучасній українській мові. Окрім аналізу мовних одиниць, яких зафіксовано частотне вживання, висвітлено й ті одиниці, побутування яких свідчить про втрату ними семантики цілі й перехід до синтаксичних архаїзмів. Серед найбільш продуктивних прийменниково-відмінкових форм із первинними власне-прийменниками виділено сполуки «для + р. в.», «на + з. в.», «заради + р. в.», «по + з. в.». Значно менший діапазон побутування зафіксовано таких форм, як «до + р. в.», «під + з. в.», «про + з. в.», що свідчить про їхню цільову десемантизацію й певну стилістичну маркованість. Здійснено порівняльну вибірку словникових статей про первинні прийменники на позначення цілі на матеріалі Словника української мови в 11-ти томах (1970–1980) і Словника українських прийменників (2007). На основі цього матеріалу проаналізовано зміни у вжитку поодиноких прийменників мети (як продуктивних, так і архаїчних прийменниково-відмінкових форм на позначення цільової семантики).

Ключові слова: мета, ціль, прийменниково-відмінкова форма, первинний прийменник, власне-прийменник.

Постановка наукової проблеми та її значення. На сьогодні в граматичних дослідженнях важливе місце посідає семантика мовних одиниць. Такі наукові пошуки стосуються функціональної граматики,